

ЖЁЛТАЯ ПУДРА

(или «Как я переводил стихотворение Оуян Сю»)

歐陽修
生查子·元夕

ОУЯН СЮ
ПЕРВАЯ НОЧЬ

(на мелодию «Шэнчжацзы» — «Плоды дикого боярышника»)

去年元夜時，	В прошлом году в эту первую ночь
花市燈如畫。	На рынке цветочном светло как днём.
月上柳梢頭，	На кончиках ивы луны окоём,
人約黃昏后。	И люди повсюду гуляют вдвоём.
今年元夜時，	А в этом году в эту первую ночь
月與燈依舊。	Как прежде горят фонари и луна.
不見去年人，	Я здесь, но нигде я не вижу тебя,
淚濕春衫袖。	Весенние влажны от слёз рукава.

Мой друг, китайский переводчик, профессор Гу Юй попросил меня попробовать перевести стихотворение сунского поэта Оуян Сю 歐陽修 (1007-1072), которое называется «Юань си» 《元夕》, букв. «Первая ночь».

Имя «Оуян Сю» мне было уже знакомо. Он известен «стандартным» китайским набором талантов: государственный деятель, историограф, эссеист, поэт. Получил высшую учёную степень цзиньши 進士 в 1030 г., член академии Ханьлинь (букв. «Лес кистей») (1054 г.). Его называют одним из «Восьми великих писателей династий Тан и Сун» (唐宋八大家) и одним из «Четырёх великих мастеров вечных эссе» (千古文章四大家). Под конец жизни у него было два псевдонима: Цзуй вэн 醉翁 «Старый бражник» и Лю и цзюй шу 六一居士 «Отшельник один из шести». По поводу первого псевдонима он сам сказал: «Помыслы старого бражника обращены не к вину, а к горам и рекам». А когда его спросили «Кто те пятеро, с которыми вы шестой?», ответил: «Десять тысяч книг, тысяча древних свитков, один гуцинь, один набор шахмат и один чайник вина».

Оуян Сю послужил прототипом одного из главных героев, сыщика Богдана Рухович Оуянцева-Сю в серии фантастических детективов «Плохих людей нет» Хольма ван Зайчика. Хольм ван Зайчик — это псевдоним писателей и китаеведов Вячеслава Рыбакова и Игоря Алимова, отсылка к голландскому писателю, дипломату и востоковеду Роберту Ван Гулику (1910-1967), автору

цикла детективных повестей о китайском судье Ди (狄仁杰 630-700). «Плохих людей нет» написана в жанре альтернативной истории, события разворачиваются примерно в наше время в вымышленной стране Орда-Русь, включающей Россию, Орду, Ближний и Средний Восток, и Китай.

Стихотворение Оуян Сю короткое: всего 40 иероглифов, 8 строк по 5 слов. На первый взгляд перевод не должен вызывать особых трудностей. Даже автопереводчики выдают вполне понятный текст, а не бредятину, как это часто бывает с древними стихотворениями. Гу Юй прислал мне 6 вариантов перевода на русский, которые он нашёл в интернете (вы их найдёте в конце этого эссе). И отметил в каждом из них те места, которые он считает ошибочным или неточным переводом.

Начнём с названия: «Юань си» 《元夕》, букв. «Первая ночь». Переводы такие: «Первая ночь весны», «Праздник фонарей», «Новогодняя ночь», и «Вечер новогоднего Праздника фонарей». Тут сразу странность: китайский новый год начинается в новолуние, т.е. это 1-й день 1-го лунного месяца. В новолуние луна не видна, но в стихотворении сказано, что в эту ночь «светло как днём» и упоминается луна. Но светло не только из-за луны, а ещё из-за горящих фонарей. Праздник фонарей, действительно, происходит в полнолуние, а именно, 15-го числа 1-го лунного месяца. Согласно легенде именно в этот день Сяовэнь-ди (孝文帝) стал императором династии Хань в 180 г. до н.э. В честь этого он повелел везде развесить красные фонари, что переросло в традицию. В 104 г. до н. э. праздник фонарей становится государственным. Этот праздник отмечает не начало, а конец празднования Нового года. А сам праздник Нового года в дословном переводе называется «Праздник весны». Я выбрал буквальный перевод «Первая ночь», но нужно понимать, что это не «Первая ночь нового года», а ночь «первого полнолуния» нового года, такой перевод как раз и даёт Большой китайско-русский словарь (БКРС).

У названия есть подзаголовок, указывающий его жанр: 生查子. Точнее, жанр называется 词 — «стихотворение для пения». Такое стихотворение писалось (и исполнялось) на одну из эталонных мелодий, задающих его ритмическую структуру (размерность строк, рифма, чередование тонов). Такие эталонные мелодии описывались в специальных сборниках мелодий. В данном случае мелодия называлась «Шэн чжа цзы» 生查子 — буквально «Плоды дикого боярышника». Один автор переводит как «Плоды дикой яблони», что благозвучнее для русского слуха, другой как «Песня боярышника», третий указывает лишь транскрипцию. Я выбрал буквальный перевод.

Следующее затруднение возникает на 4-й строке. Стихотворение Оуян Сю хорошо известно, поэтому БКРС по 4-й строке сразу угадывает всё стихотворение и в качестве примера указывает его 3-ю и 4-ю строки с переводом «луна поднимается над ивами, они встречаются после заката». Но меня всегда интересует не только смысл, но и буквальный, пословный перевод, потому что именно он передаёт колорит иноязычной культуры и ментальности. Перевод китайского стихотворения на русский язык, конечно, должен быть написан по-русски, но всё же это должно быть не просто ещё одно русское стихотворение, а именно китайское стихотворение, только написанное на русском языке. В противном случае взаимодействие культур через поэтические переводы ничего нового к каждой культуре не добавляет.

БКРС разбивает 4-ю строку 人约黄昏后 на две части: 人约黄昏 и 后 — «после», «вслед», «затем», а дальше 人约黄昏 БКРС разбивает на три части: 人 — люди, человек, 约黄 — жёлтая пудра, 黄昏 — сумерки, в сумерках, под вечер.

Что за «жёлтая пудра»?

Оказывается, такая пудра применялась женщинами в эпоху Шести династий (220-589). Эта эпоха, наступившая после падения династии Хань (206 до н.э. – 220 н.э.), была временем смуты, когда Китай не был единым государством, распался на множество царств, часто воюющих друг с другом. Но это было также время необычайного расцвета науки и искусств. Именно в это время творили великие каллиграфы отец и сын Ван Сичжи 王羲之 (303-361) и Ван Сяньчжи 王獻之 (344—386), основатель китайской живописи Гу Кайчжи 顧愷之 (344-406), такие поэты и теоретики поэзии как «три Цао»: Цао Цао 曹操 (155-220), полководец эпохи «Троецарствия», его сын Цао Пи 曹丕 (187-226), император Вэй, и другой сын Цао Чжи 曹植 (192-232), великий Тао Юаньмин 陶淵明 (365-427), основатель пейзажной лирики Се Линъюнь 謝靈運 (385-433) и Се Тяо 謝朓 (464-499), которого высоко ценил великий танский поэт Ли Бо (более правильно Бай) 李白 (701-762) и строка которого, процитированная Ли Бо, стала знаменитой даже в переводе на русский Анны Ахматовой: «прозрачной белого шёлка». И многие, многие другие.

Бином юэ хуан 约黄 жёлтая пудра состоит из двух слов: 约 украшение, красота и 黄 жёлтый. Женщины Шести династий украшали себя жёлтой пудрой. Может быть, это намёк на свидание с женщиной?

Или, может быть, «жёлтая пудра» — это намёк на жёлтую пыльцу цветущей ивы? Ведь в предыдущей, 3-й строке как раз упоминается ива. Ива цветёт весной, некоторые её виды зацветают ранней весной, ещё до распускания

листьев. Вербное воскресенье (верба то же самое, что ива) приходится на начало апреля. Русский народный миф гласит, что ива является воплощением в Библии основательницы человечества Евы. Бог положил ветвь ивы рядом с Адамом во время его сна, после чего ветвь ивы превратилась в Еву. Имя «Ева» происходит именно от слова «ива».

А что ива значит в Китае?

Она символизирует красоту девушки или женщины. Женские тонкие брови сравнивают с листьями ивы: «Лицо ее как лотос, и брови как листья ивы, вспомнив о ней, мне как не плакать». (芙蓉如面柳如眉，对此何须不泪垂。) — танский поэт Ван Чжихуань (688-742). Мягкая талия сравнивается с ивовой лозой: «За окном стройная ива танцует элегантно, как талия девочки пятнадцати лет». (隔户杨柳弱袅袅，恰似十五女儿腰。) — великий Ду Фу 杜甫 (712—770).

А ещё ива в китайской культуре символизирует желание остаться и надежду на следующую встречу. При разлуке с друзьями и родственниками обламывали ветки ивы и дарили друг другу. Это потому, что в китайском языке произношение слова «ива» — лю (liǔ) 柳 похоже на произношение слова «оставаться» — лю (liú) 留. Ива была впервые упомянута в «Каноне Стихов» Шицзин 詩經 (стихотворение № 167, II.1.7, 《采薇》 «В походе на гуннов»): 昔我往矣，杨柳依依。 — «Помню время, когда уходили в поход, // Был на ивах зеленый, зеленый наряд» (пер. А.А. Штукина).

Итак, уже к 4-й строке мы начинаем понимать, что речь идёт о встрече с женщиной, любовном свидании. И звучит как мотив надежды на (следующую) встречу, так и мотив разлуки.

Но это я вас, наверное, обманул. В данной строке иероглифы юэ 约 и хуан 黄, скорее всего, не образуют бинорма юэ хуан 约黄 жёлтая пудра. Слово юэ 约 — это ещё и глагол «соединять», «приглашать», «уславливаться», «договариваться». А прилагательное хуан 黄 жёлтый, скорее, относится к существительному хунь 昏 — вечер, закат. И тогда как раз и получается «люди встречаются после заката».

Но мне всё равно кажется, что китайцы видят эту «жёлтую пудру», хотя и понимают, что в данном случае речь не о ней. Речь не о ней, но и она как бы туманится на заднем плане восприятия со всеми её коннотациями с ивой, весной, женщинами Шести династий и т.п.

Последняя трудность — в 7-й строке: 不见去年人. Буквально: не видно прошлых/прошлогодних людей. Так я и перевёл поначалу: «Но больше уж

нет прошлогодних людей». Такой же перевод сделал В.Ф. Перелешин (1913-1992), один из самых значительных поэтов русской эмиграции, несколько лет проживший в Китае и переведивший много китайской классики и китайских стихов: «Всё то же, но прежних не видно людей».

Я думал, что Юянь Сю делает здесь некое философское обобщение, вроде слов Конфуция 「逝者如斯夫！不舍晝夜。」 — «Время подобно текущей воде! День и ночь не останавливается». На это меня натолкнула, в частности, история служебной карьеры Оуянь Сю: он многократно то возвышался, то попадал в опалу. Может быть, и в этом стихотворении он хотел сказать, что нет ничего постоянного, что вот в прошлом году на цветочном рынке гуляло много людей, а теперь он не видит знакомых: кто-то умер, кого-то сослали в дальние края...

Но именно эту строку в переводе Перелешина Гу Юй отметил как ошибочную. И сказал, что мой перевод ему понравился, но есть замечание именно к этой, 7-й, строке.

Почему?

Гу Юй написал мне, что речь идёт не о каких-то «прежних» или «прошлогодних» людях, а об одном конкретном человеке. Для чего герой приходил на рынок цветов? Разве для того, чтобы смотреть прошлогодних людей? В прошлом году он договорился встретиться с любимой девушкой на следующий год в праздник фонарей. Он пришел только для встречи с ней! Традиционно считается, что именно из этого стихотворения Оуянь Сю выросло любовное направление поэзии последующих эпох.

Потом примерно то же самое мне сказала Светлана Куликова: «Я три дня думала над твоим переводом стихотворения. Мне всё нравится, кроме одной строки. Может быть, оно по-китайски и правильно, но ты же переводишь на русский язык, поэтому и эта строка должна быть понятна русскому читателю. Разве речь идёт не о любовном свидании, которое не состоялось?».

Со Светланой Куликовой я мог бы поспорить, но с традицией трудно спорить, да и не нужно. Поэтому я исправил перевод 7-й строки: «Я здесь, но нигде я не вижу тебя».

Но теперь в переводе стихотворения появились личные местоимения, причём только в 7-й строке: два раза «я» и один раз «тебя». А между тем в оригинале никаких личных местоимений нет.

Почему?

В русской лирической поэзии «главным» местоимением является Я, так как оно связано со способом выражения «лирического героя». Это понятие – «лирический герой», одно из центральных в литературоведении, оно было впервые применено Ю. Тыняновым в 1921 году в статье, посвященной поэзии А. Блока. По мнению Ю. Тынянова, «воспринимаемый нами «голос автора» («личность автора», «авторское Я», «первичный автор») есть уже произведение искусства, художественный объект, реальность другого рода, чем жизненная, что это Я уже не «творец, создатель поэтического мира, но житель созданного мира».

По этому поводу Гу Юй написал мне: «Я долго думал об образе лирического героя. Он не отсутствует, его не пропустили. Он существует, но не появляется. Он скрытый». Тут Гу Юй употребляет китайское слово *иньсин* 隱形, что переводится как невидимый, незаметный. И добавляет: «Удивительно то, что читатель, читая стихи, чувствует себя как бы их автором, значит, он превращается в автора». Вот это мне кажется очень важным: читатель превращается в автора. Но если автор не скрыт, если его лирический герой заполняет собой всё поле стиха: Я, Я, Я..., то читателю остаётся лишь смотреть со стороны, т. е. безучастно и безразлично. Сопереживание — это всё-таки дорога с двусторонним движением, по крайней мере, в поэзии.

Старые китайские поэты вообще старались избегать личных местоимений. Это хорошо понимал, например, академик В.М. Алексеев, защитивший в 1916 г. магистерскую диссертацию «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту 司空图 (837—908). Перевод и исследование». В частности, там разбирается понятие *хань сюй* 含蓄 – «таящееся накопление», «скрытый, невысказанный смысл», «хранилище невыразимого»: «Поэт, ни единым словом того не обозначая, // Может целиком выразить живой ток своего вдохновения. // Слова стиха, например, к нему не относятся, // А чувствуется, что ему не преодолеть печали (пер. В.М. Алексеева, 1916)». Идеальное стихотворение внешне должно выглядеть по возможности просто и непритязательно, как говорят китайцы, «пресно» (*дань* 淡), но — скрывать в себе «неисчерпаемую глубину мысли» (*ли хэнь шэнь*)». И одно из средств — отказ от личных местоимений. Или, как выражается Гу Юй, сокрытие лирического героя.

В стихотворении Оуян Сю не просто нет личных местоимений, там даже нет никаких указаний на то, является ли лирический герой, от лица которого ведётся речь, мужчиной или женщиной. Одни переводчики считают, что это мужчина и, соответственно, речь идёт о несостоявшейся встрече с девушкой: «Много красавиц других, только где же ОНА?», «Здесь нет моей возлюбленной со мной». Другие, например, С.А. Торопцев, наоборот,

полагают, что это девушка пришла на свидание с молодым человеком: «рукав девичий орошен слезой», «и омочила я рукав слезой».

Я же старался перевести так, чтобы «ни единым словом того не обозначить» пол героя: «Я здесь, но нигде я не вижу тебя» — так может сказать и мужчина и женщина.

В то же время именно в этой строке я не просто добавил отсутствующее у Оуян Сю личное местоимение, но и усилил эффект, используя три местоимения: я, я, тебя. По-русски сразу становится понятно, что речь идёт о любовном свидании, как того и требует традиция восприятия этого стихотворения. На это ещё раз указывает прилагательное «весенний» — *чунь* 春 в последней строке. Это слово в китайском языке не только указывает на время года (в том числе на новый год, т.е. праздник весны), но также имеет эротический смысл: страсть, любовное влечение, любовь, особенно, в сочетаниях, например, *чунь фэн* 春风 «весенний ветер». У Оуян Сю 春衫袖 — рукава весенней рубашки, платья (без подкладки), халата, что может носить как мужчина, так и женщина. Одни переводчики переводят это как «весенний халат», другие лишь намёком — «тонкая рубашка», третьи никак не указывают на прилагательное «весенний». У меня: «весенние рукава».

И последнее: рифма. У Оуян Сю рифмовка такая: АВВВ АСДС. Я постарался эту рифмовку более-менее сохранить: ночь-днём-окоём-вдвоём ночь-луна-тебя-рукава.

Уже во время написания этого эссе я нашёл в интернете ещё один перевод стихотворения Оуян Сю, на этот раз сделанный носителем китайского языка. Его сделала Ван Цзиньлин 王金玲, доктор филологических наук, профессор, ведущий учёный провинции Цзилинь КНР, член Союза российских писателей, директор института иностранных языков Чанчуньского университета, директор Культурно-образовательного Центра имени С.А. Есенина при Чанчуньском университете и Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина, переводчик русской прозы и поэзии на китайский язык и китайской поэзии на русский язык.

В ночь праздника фонарей прошлого года

Все восторженно веселились среди цветов и фонарей
Под яркой Луной, взошедшей над ивами,
Шептались в любовных объятиях влюблённые.
Пришла вновь такая же ночь.
Светят та же Луна и такие же фонари.
Но не пришла былая любимая.
От слёз стали влажными рукава праздничного наряда.

Автор перевода также пишет, что «в этом стихотворении поэт противопоставляет ночь 15 января прошлого года и ночь 15 января этого года, чтобы выразить безграничную любовь, которую он испытывал в прошлом году, и чувство одиночества и потери, которое он чувствовал в эту ночь этого года». Хотя, конечно, говорить надо не о январе, а о первом лунном месяце. По поводу рифм Ван Цзиньлин пишет, что для Шенчжацзы «характерно определённое количество слогов (40), в каждой строке 5 слогов, рифмуются только чётные строки, причём последние слова в нечётных строках произносятся первым или вторым тоном». Всё это есть у Оуян Сю, кроме того, что 3-я (нечётная) строка всё же рифмуется со 2-й и 4-й (чётными) строками. Сама Ван Цзиньлин приводит, кроме своего перевода, также оригинальный текст стихотворения (правда, не как у меня в начале эссе, а в упрощённом написании иероглифов, которого, естественно, не было во времена Оуян Сю) и транскрипцию в официальной для КНР системе *пинь-инь* 拼音 (системе романизации китайского языка). Хотя, как справедливо отмечает А.И. Кобзев по поводу других переводов Ван Цзиньлин и др., «здесь были бы более уместны кириллица [система Палладия] и реконструкция аутентичного звучания эпохи Тан». Но я проверил по реконструкции С.А. Старостина рифмы эпохи Тан и вроде бы всё сходится (в таблицах Старостина я только не нашёл последнего иероглифа 袖 — рукав).

Гу Юю вроде бы понравился мой перевод. Но, может быть, из вежливости он не отметил красным четвёртую строку, где у меня тоже, как у Вячеслава Челнокова, «гуляют вдвоём». «Вдвоём» здесь, конечно, для рифмы. Но в оригинале этого нет, а есть «жёлтый закат» (или сумерки) 黃昏. На это мне указала Ксения Миронова, которая стажировалась в Китае (Международный институт китайского языка при Ляонинском университете в г. Шэньян 瀋陽), знает китайский язык и даже пишет стихи на китайском языке. Ещё она сомневается, что русский читатель по названию поймёт, что речь идёт о первом полнолунии года, т.е. о празднике фонарей 元宵節. Но я думаю, что догадаться всё же можно, поскольку упоминаются и луна, и фонари. Мне кажется, нужно оставлять читателю возможность догадываться самому, не раскрывая явно всего. Как, например, в стихотворении Ли Бо «Тоска у яшмовых ступеней» 《玉階怨》, где догадаться, о ком идёт речь, можно только внимательно читая название.

А ещё Ксения сказала, что это стихотворение чем-то напоминает произведение танского поэта Цуй Ху 崔護 (772-846) «Вспоминая о деревеньке к югу от Чанъань» (《題都城南莊》) — в нём тоже человек год спустя оказывается в прежнем месте, но рядом нет того, кого, по всей видимости, он продолжает любить. Вот текст и перевод из интернета:

去年今日此門中， Год назад и сегодня снова стою у этих ворот，
人面桃花相映紅。 Лик её в отражении цветов персика был ещё краше。
人面不知何處去， Не знаю, куда исчезла теперь она，
桃花依舊笑春風。 А цветы персика, как и прежде, смеются на весеннем ветру。

19-31 января 2023 года

Шесть переводов стихотворения Оуян Сю, присланные мне Гу Юем:

1. Первая ночь весны

(**Вся ночь новогодняя в прошлом году**)

(Мелодия «Шэнчацзы» — «Плоды дикой яблони»)

Вся ночь новогодняя в прошлом году
Светилась, как день, от цветных фонарей.
Глядела луна из-за верхних ветвей
Разросшихся ив на весёлых людей.
А в ночь новогоднюю в этом году
Всё та же луна и разгул фонарей.
Всё то же, **но прежних не видно людей,**
И слёзы на тонкой рубашке моей.

Перевод: Перелешин В.Ф.

2. Праздник фонарей

В прошлом году, фестиваль Фонарей отмечая,
Вечером я прогулялся по рынку цветов, замечая,
Как осветили фонарики всё, словно днем.
Год пролетел после дня Юань-сяо*, — я всё помню о нем:
Ночью луна будто села на веточку ивы,
Висела так низко, была так кругла и красива.
В сумерках я вдруг увидел ЕЁ, словно деву из снов...
Год пролетел, и все радостно празднуют вновь:
Вечер, фонарики, грохот петард, и все та же луна.
Много красавиц других, только где же ОНА?
Я облачился в весенний халат, преисполненный грёз,
Но рукава в нем промокли от тайных и горестных слёз.

Перевод: Нэля Бердичевская, 2013

3. На мелодию: Песня боярышника

Фонарики горят, в садах светло как днём,
Свиданья час с любимой так дорог мне.
Луна висит над ивою, **они вдвоем,**
Ночь середины осени посвящена Луне.
Год минул, фонари сияют под луной,
Слезам рукава увлажнены.
Здесь нет моей возлюбленной со мной,
Слёз не сдержать на празднике Луны.

Перевод: Вячеслав Челноков, 2019

4. Праздник фонарей

В прошлом году в это же время
На улицах, где продаются цветы,
Так было светло от фонарей.
Луна была на верхушке ивы,
И встреча влюбленных в сумерках была.
В этом году в это же время
На улицах все также светят фонари,
Только нет больше прежнего человека,
И мокрые от слез мои рукава.

5. Новогодняя ночь (Мелодия «Шэнчжацзы»)

Ах, в том году такая ночь была!
Вся в фонарях и, словно день, светла,
едва над ивой поднялась луна,
как нашу встречу скрыла ночь темна.
И нынче эта ночь опять пришла,
все те же фонари, луна вошла...
Но не было тебя уже со мной,
рукав **девичий** орошен слезой .

Перевод: С.А. Торопцев

6. Вечер новогоднего Праздника фонарей

Ах, в том году такая ночь была!
Вся в фонарях и, словно день, светла,
над кончиками ив луна вошла,
и мы поговорили по душам.
И нынче эта ночь опять пришла,

все те же фонари, луна взошла...
Но не было тебя уже со мной,
и **ОМОЧИЛА** я рукав слезой.

Перевод: С.А. Торопцев